

Иван
Ярославов

Река
любви

Иван Ярославов

Река любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31187192

ISBN 9785449063236

Аннотация

Поэтическая судьба лирического героя этой книги привлекает своей исповедальной, зачастую незащищенной открытостью. «Река любви» – о преодолении страдания, о неистребимой творческой любви к жизни, о негаснущей вере в правду, справедливость и любовь к женщине. Поэзия Ивана Ярославова – поэзия беспокойной души, и утверждает она достоинство и неизменную самоценность человека в обществе и во времени.

Содержание

Антоновские яблоки	6
Руки мамы	7
Взгляд	8
К воде спускаются отлого...	9
Слеза	10
Жене	11
Женщина	12
Грустное	13
Тьма и свет	14
Не море, а белое поле...	15
Очарование суля...	16
Мне кажется...	17
Сонет уходящему поколению	18
Зерно солдатки	19
Дожить до весны	20
Пленники	21
Судьба, не подходи так близко...	22
Чудо на двоих	23
Небеса	24
Бабье лето	25
Счастливые дни	26
Дни мчатся...	27
Гербарий	28

На небе ни облачка...	29
Облака из детства	30
Моя осенняя пора...	31
На нитях солнца и дождя...	32
Все соки солнца	33
Осень жизни	34
Отшумело, отзвенело лето...	35
Скворцы на стоге	36
Вернётся юность...	37
Мы такие, как есть...	38
Сердце	39
Любить бы ночное молчанье...	40
Есть мир и я	41
Сколько жить остаётся...	42
Ощущенье новизны...	43
Художник	44
Ни близкого...	45
Полустанок	46
Кольца жизни	47
От шума ветра...	48
Я в этом мире случайный поэт...	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Река любви

Иван Ярославов

Дизайнер обложки Александр Новиков

© Иван Ярославов, 2018

© Александр Новиков, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-6323-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Антоновские яблоки

Антоновские яблоки в траву
С ветвей провисших шлёпаются глухо,
И светлый, будто нимб святого духа,
Туман легко уходит в синеву.
Но как бы не был дорог этот час,
Его мне неизбежно не хватает.
Меня за садом женщина встречает,
И листопад не огорчает нас.
Как руки её плачут на плечах!
Как кудри источают запах хлеба!
За что такую осень дарит небо?!
Зимою мне привидится в ночах,
Как плыл туман прозрачный в синеву,
Как постепенно росы холодали,
Как с грустных веток глухо опадали
Антоновские яблоки в траву.

Руки мамы

И бедность, и неприбранность кляня, —
Как далеко от них я ни уеду, —
Мой старый дом, пыхтя и семеня,
За мною отправляется по следу.
И вот о нём забывший я, почти,
К другим огням привыкший и к разлуке,
Увижу вдруг, как отсвет от печи
Нежарко греет моей мамы руки...

Взгляд

А на меня глядит Мадонна,
Зеленоглазо, со стены.
И так её душа бездонна,
И так в глазах растворены
Все наши горести и плачи
Ценою – в жизнь, длиною – в век...
И так беспомощно маячит
В пресветлом взгляде человек...
Но есть священный островок,
И мы – чудилы и невежды —
Висим на ниточке надежды,
И все уроки нам не впрок...
Но остров – есть. И иногда
Он превращается в планету.
Как охватить безмерность эту?
Куда рвануться? В никуда?..

К воде спускаются отлого...

К воде спускаются отлого
Крутые дуги берегов,
А между ними много-много
Больших и маленьких стогов.
На пласт сухой, шуршащий сяду, —
Устал, сморился, месту рад —
И сквозь кусты предстанет взгляду
Далёкий, медленный закат.
И так воздушно, на прощанье,
И потускневший свет в волне,
И раскалённых кос пыланье
Соединятся в том огне.

Слеза

Горючая слеза. Падучая звезда.
Высокие, холодные зарницы.
Исчезнув в мирозданье без следа,
Звезда в слезе полночной отразится.
И этот горький, невозвратный свет
В твоей душе, как зарево взметнётся,
И будущее время отзовётся,
И словно эхо – прошлое в ответ.
И кажется: вот-вот спадёт покров
С грядущего, и дали отворятся,
Но ты всю жизнь на грани двух миров,
Что без тебя потом соединятся.
Встаёт рассвет, сметая сумрак прочь,
Грядущий день расталкивает тучи...
И ночь прошла, не повторится ночь —
Звездой падучей и слезой горючей.

Жене

Когда в разлуке две души,
Когда с тобою мы в разлуке,
Я знаю, есть в ночной тиши
Нас охраняющие звуки.
Кто может слышать небеса,
Тот никогда уже не спросит
О том, как души и глаза
Друг другу музыку доносят.
Она во всём, она везде,
И звуки нас находят сами,
Когда на вспыхнувшей звезде
Внезапно сходимся глазами.

Женщина

Недавно я прочёл сонеты.
Они, и вправду, сильно спеты.
В них – море на исходе лета,
В них солью плещется волна.
От горя, что зовут судьбою,
От одиночества и боли,
В них женщина выходит к морю —
Смугла, прекрасна и грешна.
И не глазами, а очами
Глядит она, полна печали,
Как два крыла усталой чайки
Качнул волны вечерний дым.
Пустынный берег на закате...
Шурша, в песок слетает платье,
И ждёт она, пока подкатит
Волна к ногам её босым...

Грустное

Загляделась тоска в наши окна стылые,
Заметалась метель, на порог ступив...
Но молчали, застыв, руки, как бескрылые,
На заснеженный пол что-то уронив.
И от долгой зимы – тёмные, нездешние —
Застоялись снега на душе у нас.
И деревья от снов, за ночь поседевшие,
Отчуждённо сплелись, как в последний раз...

Тьма и свет

И тьма, и свет, и явь, и бред —
Контрастов откровенней нет.
То покороче, то длинней
Чёт-нечет и ночей, и дней.
То угасанье, то рассвет:
Сгорит закат – заря вослед.
И сонмы кружатся за ней
Полутонов, полутеней.

В них и загадка, и ответ,
Чередованья зим и лет,
И холод, и тепло лучей
Спокойно ждут поры своей.
Глядят всегда друг другу вслед
И тьма, и свет.

Не море, а белое поле...

Не море, а белое поле
Штормами разбитого льда,
Как будто бы россыпью соли
Покрылась густая вода.
И чайки над морем не реют,
Застыла в глазах тишина.
Но где-то под льдинами зреет
Крутая, взрывная волна.
Пусть властвует стужа,
Но всё же
Настанет то время, когда
Сорвёт с себя мёртвую кожу
Живая морская вода.

Очарование суля...

Очарование суля,
Но бестолково,
Уже в начале февраля
Случилось слово.
Я ошарашенно постиг,
Что дни летели,
Что звонко холодят язык
Слова метели.
Что ледяные соловьи
На белом свете
Сильнее жизни и любви,
Смертельной смерти.
Вороний рой на кромках крыш
На счастье каркал,
И просыпался мой малыш,
И горько плакал...

Мне кажется...

Мне кажется, лето питается зеленью пруда,
И в каждой травинке есть тёмная влага веков,
И дремлет история где-то на дне, и оттуда
Начала берут путешествия всех облаков.
И все облака, словно музыка, вновь воздвигают
То боль, то грозу, то июльскую, вдруг, пастораль...
Но прошлым становится день и, как звук, затихает.
История дремлет. И пруда зелёный хрусталь...

Сонет уходящему поколению

И слипшиися будни шелестят,
И я томлюсь предчувствием мгновенья,
Какого-то иного вождельня,
Смотрю вперед я и смотрю назад.

И вот, в дыму веков узнает взгляд
То потрясающее поколенья,
Которое, предчувствуя закат
Эпохи, познавало поражение.

И личное. И было напряженье
Так велико, что ламповая нить,
Дав вспышку на какое-то мгновенье,
Перегорела. И когда ввинтить
Хотел в патрон я новую, то темень
Была, как наше «радостное» время.

Зерно солдатки

Не так-то просто простота даётся...
Но мы идём, приходим к простоте,
Всё лишнее в дороге остаётся,
И мы не те уже, совсем не те.
И краски, что расплывчато ложились,
И чувства, что лукавили с судьбой,
Вдруг самой сутью сердцу обнажились,
И ты уже воюешь сам с собой.
И слово, нас манившее загадкой,
Является, как спелое зерно,
Что выращено в трудный год солдаткой,
И потому так дорого оно.

Дожить до весны

Отчаянья шатки весы,
А холод тепло перевесил.
Мне б только дожить до весны,
В зелёный войти перелесок.
На склоне сиреневых гор
Подняться за буйным багулом,
Понять переливчатый хор,
Глубоким наполниться гулом.
Ручьи из-под каждого пня
Звонки и шумливы, как дети.
Мне б только деревья обнять,
Спокойно уснуть на рассвете
И видеть янтарные сны,
Пьянящие солнцем и смуглостью.
Мне б только дожить до весны,
Мне б только проникнуться мудростью.

Пленники

Страданье приняла земля моя
Без грани искупления и меры,
И страшная предельность бытия
Открылась нам, навек лишённым веры.
Не для любви рождённые сердца
Неумолимый счёт ведут мгновеньям.
Мы, пленники начала и конца,
Ни истины не ждём, ни откровенья.

Судьба, не подходи так близко...

Судьба, не подходи так близко,
Я слышу шорохи в ушах...
И годы на ветру, как искры,
Летят, сгорают и шуршат.
И в этом свете нехорошем
Уже видна, наверно, та, —
Как через мутное окошко, —
Моя заветная черта.
Но замечает росчерк тонкий
Годов горячая метель,
Не дай, судьба, угаснуть только,
Мне до неё не долетев...

Чудо на двоих

Минута тишины пред ожиданием
Осознанного чуда на двоих...
Снег управляет сбивчивым дыханьем,
Подчёркивая каждый новый штрих
Изменчивого облика дороги.
Тоннель, как преисподняя, забит
Толпою грешников. Застенчивые боги
Снуют меж расползающихся плит.
Подземный страх бьёт козырную карту
Свободного скольженья в темноте.
Блестящее шоссе выносит к марту
Всех, кто не удержался в пустоте.
А там трава расталкивает слякоть,
И лужи кажутся осколками зеркал,
И тени движутся по перепонкам скал,
И хочется от радости заплакать.

Небеса

Не хожу, а летаю – небеса берегу.
Я совсем не святой, а без них не могу.
Не могу, не желаю, не хочу, хоть убей.
Ветер вётлы шатает, будоражит ручей.
Ветер на небо тучи, как сугробы, намёл.
Ветер листик летучий оборвал у ветёл,
Озоруя, забросил высоко, далеко...
Знает ясная просинь – мне летать нелегко.
Всё равно я летаю. Небеса берегу.
Я совсем не святой, а без них не могу.

Бабье лето

Бабье лето – старинная пряжа —
Шелковистую пряжу прядет
И ажурную, в искрах, рубаху
Для озябшей природы плетёт.
Разлетаются прядки седые,
Застревают в червонной листве.
Лебединые крылья тугие
Снежной пеной плывут в синеве.
Как вдовица, в степи, за деревней,
Вспомнив песни забытой слова,
У стены белокаменной, древней
Вдруг взыграла трава-мурава.
Машут клёны, роняя платочки,
Ветки в небо воздев, как персты.
Размотался клубочек-отсрочка.
Гаснет осень, сдавая посты.

Счастливые дни

Вернуться к ясным мыслям и словам,
К тропинке запоздалой повернуться...
И разглядеть: над полем – синева!
И птицы над трубою тёплой выются.
Вернуться к необманчивым огням,
К друзьям своим забывчивым вернуться.
И счёт вести, но не усталым дням,
А тем, счастливым, – тем,
Что удаются.

Дни мчатся...

Дни мчатся без возврата
И гаснут друг за другом,
И ты, моя утрата,
Всего лишь тень за кругом
Свечения и блеска,
От прочих в стороне,
А холод занавеску
Вздувает на окне.
Ни отзвука, ни слова —
Всё серо и пустынно.
И за спиною снова
Застывшая равнина
Родного прожитого,
Умершего бывшего...

Гербарий

Навязчивость капель аниса.
Зимы непокой, неуют...
Я вижу, как чудо-ирисы
За стёклами нежно встают.
Я, может быть, только проснулся
И вот уже – странный рассказ —
К озёрным цветам прикоснулся,
Как будто к веслу первый раз.
Но чистые стебли засохли
И стали темны, как дома.
Цветы позабылись, оглохли,
И я заточил их в тома.
Метелей и щедрость, и скупость,
Предчувствие счастья и бед,
Узоров морозная сухость —
Гербарий, которого нет.

На небе ни облачка...

На небе ни облачка, вроде,
Ромашки цветут у оград.
Но чутко разлито в природе
Предчувствие скорых утрат.
Ещё разомлевшее лето
Колышет густую теплынь,
Но пахнет на кромке кювета
Острее и горше полынь.
Уходит в просторы дорога,
И ястреб парит в вышине...
И всё ощутимей тревога —
Тревога о завтрашнем дне.

Облака из детства

Может, дни мои, стали вы мельче,
Может, ход моей жизни таков,
Но приходит – всё меньше и меньше —
Самых чистых моих облаков.
Жизнь, прощаю тебе все издержки
Лишь за то, что горчайше сладка,
Присылаешь подарки из детства —
Ослепительные облака.
Будет миг – среди летнего часа,
Пролетая куда-то в века,
Зазвонят, запоют высочайше
Из детства мои облака.

Моя осенняя пора...

Тряхнула осенью природа —
Своей извечной стариной.
Что ей изменчивая мода
С сиюминутной новизной?
С плеча отбросив покрывало,
В антично-строгой простоте,
На суд небес она предстала,
Без дрожи, в дивной нагоде.
Под душ снегов, ветров смятенья,
Под мудрость зимней седины.
Для обновленья, постиженья
Земной, сокрытой глубины.
И я её частичка тоже:
Прошла июльская жара,
И в листопад с природой схожа
Моя осенняя пора...

На нитях солнца и дождя...

Пойдём в поля послушать голос лета,
Чтоб жизнью насладиться до конца:
Никто нам не подарит больше это —
Ни пенье птиц, ни запах чабреца,
Ни эти дали без конца и края,
Ни этот тёплый, в мареве лесок,
Ни речку, что от неба голубая,
И ни тропинку, что наискосок
Бежит, бежит куда-то меж холмами,
Гараж, кусты, сараи обходя,
И виснет вдруг, почти под облаками,
На тонких нитях солнца и дождя...

Все соки солнца

Все соки солнца, что скопились летом,
Дарят начало звонким родникам.
Вглядишься в осенний день: и тут, и там
Бьют пышные ключи тепла и света...
В листках и нежных жилках первоцвета
Багрянец воровато проступил.
Не им ли всё окрестное согрето?
Не он ли рощи зноем опоил?
Багрец... Как струи горна, предо мной,
Вдруг разлились лучистой желтизной!..

Осень жизни

Пора осенняя печальна,
Красы томительной полна —
Прохладна, чуть, и музыкальна,
Дарует нам покой она.
Мы к дому шаг свой замедляем,
На солнце жмуримся слегка.
И долгим взглядом провожаем
До горизонта облака.
И вспоминаем детства годы,
Читаем дали, как чертёж.
И желтоватый лик природы
На материнский лик похож.
Неторопливо зреют мысли —
На грани вымысла уже,
И беспредельность синей выси
Не умещается в душе...

Отшумело, отзвенело лето...

Отшумело, отзвенело лето,
И последним звёздным рикошетом
Укатилось ночью в зелена.
А с утра, заманчиво и чисто
Рыжеглазой осени монисто
Вновь чарует красками меня.
Вновь мечты реальны, зримы, строги.
Остывают жаркие дороги,
Остаются годы за спиной...
Но опять мне кажется, что рано
По долинам сизые туманы
Стелют иней ровной сединой.

Скворцы на стоге

Сомкнулось времени кольцо

В высоком слоге.

Так ясно родины лицо —

Скворцы на стоге.

И кружатся за кругом круг,

На стог садятся,

Как будто поле, лес и луг

Вновь повторяются.

Отхлынет мир, замкнётся круг

Твоей дороги.

Исчезнет всё, и снова вдруг —

Скворцы на стоге.

Вернётся юность...

Вернётся юность! Знаю, знаю.

Всё эта встреча на уме.

Быть может, к завтрашнему маю,

Быть может, к будущей зиме.

Вернётся юность! Но, быть может,

И не моя, и не твоя:

Меня предчувствие тревожит

Ещё чужого бытия.

Сойдутся в мире совпадений

И породнятся – тем святей —

Один в статистике рождений,

Другой – в статистике смертей.

Мы такие, как есть...

Как ни светлы на храмах купола,
Остановить не в силах зло священник.
Как ни белы у ангела крыла,
Но и они отбрасывают тени.
Земля, Земля – мой шарик голубой,
Подобие и образ всей вселенной.
Что люди всуе делают с тобой,
Что происходит с нами в самом деле?
Грешим, враждуем, спорим без конца,
И нет нам всем на то благословенья.
Мы – дети совершенного Творца,
Но так ли совершенны, как творенье?
Дано нам всё – и блеск, и нищета,
И траур тьмы, и яркий свет лампы.
Всегда раскрыты адовы врата,
А рай цветёт за каменной оградой.
Планета наша – чаша для морей,
И острова, как вехи продвиженья.
Но, чтобы стать и выше и мудрей,
Как трудно плыть сквозь волны
Заблужденья...

Сердце

Сердце – чудо. В него просторы
Всей Вселенной легко вошли.
Стройплощадочка, на которой
Вся тяжёлая кладь земли:
От античных цивилизаций
И до атомных кораблей,
От сибирских электростанций
До нелёгкой любви моей...

Любить бы ночное молчанье...

Любить бы ночное молчанье,
На белой душистой коре,
Разлукою первоначальной
В какой-то далёкой поре.
Биением пульса и дрожью
Желаний бессвязных в судьбе,
Бессонницей, кровью и кожей,
Следами на тёмной тропе.
Глазами и голосом низким
Той женщины, что рождена
Из песен далёких и близких,
Из яви и вещего сна.
Любить и быть ею любимым,
Любить, пока свет не ослаб,
По крайности, если не дымом,
То тенью от дыма, хотя б!

Есть мир и я

Есть мир и я. Я – это ощущение,
Весёлость, гнев, любовь... Пространства леденя,
Без жизни тёмн мир. Я – это освещенье.
Рожденьем я включён. Смерть выключит меня.
Все, кто на ошупь шёл, слова услышьте эти:
Мной пользуйтесь, пока ещё пылаю я,
Распространяя свет... И при неровном свете
Всмотритесь в лабиринт земного бытия...

Сколько жить остаётся...

Сколько жить остаётся
Мне от нынешних пор?
Смерть свою, как и солнце,
Не рассмотришь в упор.
Сколько жить остаётся,
Сколько штормов снести?
Не написано лоций
Для земного пути.
Он для каждого – внове,
Что ни шаг – наугад!
Точно бег родниковый,
Без дороги назад.
Сколько жить остаётся? —
Если б кто подсказал!
Смотришь вдаль, как на солнце,
И отводишь глаза.
Лава жаркая льётся,
Плавя все рубежи.
Сколько жить остаётся?
Остаётся – вся жизнь...

Ощущенье новизны...

Я в мир пришёл. Как в пьесе: я и те же.
Просторы те же, реки, небеса,
Мещане, обыватели, невежи,
Подвижники, мечтатели, леса,
Сомнения, пророки, предрешенья,
Открытия, любовь, страданья, сны,
Души неповторимые движенья...
И то же ощущение новизны.

Художник

Сердитый лес темнел на горизонте,
Уплыл туман, оставив росный след,
И небо, распахнув прозрачный зонтик,
Из глубины процеживало свет.
И птицы, просыпаясь постепенно,
Затеяли концерт среди лесов,
И смешивался пряный запах сена
С шуршаньем опадающих плодов.
Всё начиналось, оживало, пело...
Стук топора, деревьев голоса...
И старый человек в рубахе белой
Все эти звуки красками писал.

Ни близкого...

Ни близкого, ни ближнего, ни друга,
Я замкнут весь, как узник, сам в себе —
В миг радости, в час горького недуга
Пустынен смех, нет отклика мольбе.
В немой, для всех неведомой борьбе,
Одна мечта – угрюмая подруга,
Что шепчет мне проклятие судьбе
И в час труда, и в скорбный час досуга.
И человек потерян средь людей,
И тщетно он тоскует о слияньи,
Что капля с морем, – матерью своей,
В беспомощном и сумрачном скитаньи,
В полдневном зное иль в полночной тьме,
Он бедный узник – в собственной тюрьме.

Полустанок

Меня дорога уводила
Ещё неведомо куда.
Она во мне тогда будила
Страх к уходящим поездам.
И вот колёса застучали,
И лес тихонечко отстал.
Я понял, что в иные дали
Теперь мой путь уже лежал.
И уезжать мне было страшно...
Ещё тогда я знать не мог,
Что станет этот полустанок
Началом всех моих дорог...

Кольца жизни

До конца, до самого конца
Время нам сердца окольцевало.
Не уйти из этого кольца,
Даже вдруг бы всех часов не стало.
Но пока мы молоды, кольцо
Вряд ли кто из нас и замечает:
Просто ветер дует нам в лицо
И дожди за спинами качает.
И пока не стары, кольца те
Раздвигаем ярыми делами,
Только в подступившей темноте
Нас сожмёт прошедшими годами.
В то кольцо и горе вплетено,
И любовь, и радость озаренья...
Из кольца хочу я, всё равно,
Вырваться хотя бы на мгновенье!

От шума ветра...

От шума ветра глухну я во сне.
В нём, как вино, перебродило время.
И серп луны плывёт в моём окне —
Проклюнувшееся сквозь вечность семя.
Расставили силки небес жнецы,
Разбросив Млечный путь, как полотенце.
Сочатся звёзд набухшие сосцы,
Обкусанные дёснами младенца.
За кругом круг, как со свечой в руках,
Ступаю по небесным перевалам,
Чтоб поутру опять издалека
Заря взошла и солнце засияло.

Я в этом мире случайный поэт...

Я в этом мире случайный поэт,
Не за себя – за другого живущий.
Я к вам приду через тысячу лет
Терпкой водой или хлебом насущным.
Я к вам чужим ожиданьем вернусь,
Тёплым дождём иль холодной росой,
Мартовским снегом, похожим на грусть,
Нежной проталиной, верной лозою.
Я постучусь на далёкой заре
В ваше окно замерзающей птицей,
Буду на кончике нитки гореть

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.